

Ф.И.Булгаков

«Свет Азии» в Европе

Мистическое движение во Франции. – Успехи буддизма. – Книга г[осподина] Лесевича¹. – Ведийский и браманский периоды индийской² культуры по Ле-Бону³. – Биография Эдвина Арнольда и его поэма «Свет Азии»⁴. – Различные определения «Нирваны». – Буддийская мистика и ее близость к новейшей европейской науке.

I

С некоторого времени иностранная печать настойчиво ведет речь о новом нравственно-философском движении мистического характера. Слова «оккультизм», «герметизм», «эзотеризм», «теозофия»⁵, «каббалистика», «новейшая магия», «западный буддизм», «индусский фатализм» не сходят даже с газетных столбцов, особливо во Франции. В Париже открыла свои заседания «независимая группа эзотерических знаний». Она поставила себе целью учиться и искать не золота, подобно средневековым алхимикам, а истину, которая дороже всякого золота. Группа имеет свой орган в «L'Initiation», помимо журнала «L'Aurore», редактируемого⁶ герцогиней де-Помар⁷ почти с тою же целью. В Авиньоне возник журнал «Étoile», где аббат Рокка⁸ пытается примирить это мистическое движение с католицизмом. В то же время лекции де Рони⁹ о буддизме¹⁰ осаждаются публикой, преимущественно молодежью. Возникают газеты и журналы, посвященные исключительно пропаганде буддизма. Есть несколько катехизисов его. Поэзия тоже пропитывается буддизмом. Молодые писатели из парнасцев и декадентов музу свою заставляют служить индийскому аскетизму.

Словом, целый ряд фактов показывает, что западные люди ищут для себя новых нравственных правил и новых основ. Знаменательная черта, объединяющая все многочисленные толки этого мистического движения, заключается в их открытой вражде к материализму и в своего рода «nostalgia du divin»¹¹, как выразился на днях в «L'Journal des Débats» профессор Лависс¹², характеризуя настроение нынешней французской студенческой молодежи. «Культ разума», провозглашенный материализмом и пессимизмом, очевидно, очень далек от торжества. Даже «Figaro» с какой-то тревожной иронией относящийся к «буддистскому движению» и насчитывающий в одном Париже до 40 тысяч «буддистов», которых, впрочем, он смешивает с адептами теозофии, – даже эта газета заявила на днях, что материализм, каким бы отважным и гордым не казался он, не удовлетворит «масс человеческого стада». В свою очередь и «свободомыслие» (libre pensée) до сих пор все еще остается маленькой капеллой научного исследования и его летучий катехизис обогащается медленно случайными открытиями. В то же время Лависс, отмечая мистичность в настроении студенческой молодежи, спешит пояснить, что мистицизм несколько не отвлекает от активной деятельности, что он как бы поэтизирует эту

Публикуется по: Новое время, 1890, №5111, 24 мая.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Федор Ильич Булгаков (1852–1908) – журналист, писатель, редактор-издатель, искусствовед, художественный критик, историк книгопечатания и древнерусской литературы.

¹ Владимир Викторович Лесевич (1837–1905) – философ-позитивист, социолог.

² Так в тексте; необходимо: *индийской*.

³ Гюстав Лебон (Ле Бон, 1841–1931) – французский психолог, социолог, антрополог и историк.

⁴ Эдвин Арнольд (1832–1904) – английский поэт, журналист, издатель, автор поэмы «Свет Азии» (1879).

⁵ «теозофия».

⁶ редактируемого (*фр. rédiger*).

⁷ Мария Кейтнесс (графиня де Помар, 1830–1895) – французская писательница, основательница «Теософского общества Востока и Запада» в Париже.

⁸ Павел Рока (Роса, 1830–1893) – священник, философ, писатель.

⁹ Леон де Рони (1837–1914) – французский востоковед и этнолог, исследователь Японии, доколумбовых цивилизаций Америки, Китая и балканских стран.

¹⁰ См., например: Буддизм во Франции // Гражданин, 1892, №143, 24 мая.

¹¹ «ностальгии по божественному» (*фр.*).

¹² Эрнест Лависс (1842–1922) – французский историк.

деятельность. «Figaro», правда, пугает публику «Нирваной» как страшной бездной фатализма и перспективой «быть ничем» для «праведников» буддистского движения, но органы, серьезнее смотрящие на дело, пытаются объяснить себе это движение резонными мотивами. Так, по мнению «L'Journal des Débats», увлечение буддизмом надо приписать тому, что последний не имеет никаких стеснительных догматов, и тому еще, что он идеалистичен, стало быть, является противовесом позитивной философии, пределы которой теперь уяснились и которая порядком всем приелась. Наконец, и то сказать, что решительное банкротство всяких отрицательных систем могло создать успех учению о Нирване, «примиряющему максимум мистицизма с минимумом веры».

Как бы то ни было, но буддистские доктрины на Западе возрождаются предпочтительно перед всякими другими нравственно-философскими доктринами, и не лишено интереса ознакомиться с тем, в чем заключается доподлинное буддистское учение и его западно-европейская разновидность. Кстати, и у нас недавно появилась любопытная книга, направленная к разъяснению буддизма в его чистом виде. Книга издана под редакцией г[осподина] Лесевича, одного из наших истолкователей позитивной философии, и называется «Свет Азии»¹³. Помимо перевода поэмы Арнольда «Свет Азии», поэтически излагающей жизнеописание и учение Будды, в книге г[осподина] Лесевича для усвоения содержания поэмы прибавлены две главы из соч[инения] Ле-Бона «Цивилизация Индии», затем извлечение из книги Арнольда «India revisited»¹⁴ о посещении им цейлонских буддистов и статья «Буддизм по эдиктам царя Асоки Великого»¹⁵. Содержание книги в его совокупности впервые в общедоступном издании даст ясное понятие о настоящем буддизме.

II

Выбор сочинения французского ученого Ле-Бона, объехавшего Индию, как нельзя более удачен. Это превосходное сочинение действительно пролило яркий свет на историю культуры и искусства древней Индии. Эпох культурного развития этой страны чудес Ле-Бон насчитывает пять: период ведийский, древнебраманский, буддистский, новобраманский и исламистский. Г[осподин] Лесевич перевел только две главы из «Les civilisations de l'Inde», характеризующие первые два периода.

Начатки индийской культуры по Ле-Бону имеют за собой давность не более 1500 лет до Р.Х. Около этого времени народилась арийская цивилизация на северо-западе Индии. Происхождение ариев покрыто мраком неизвестности. Вероятно, они вторглись в Индию из Ирана и передали покоренным народам свою цивилизацию, но не кровь. От ведийского периода не сохранилось ни одного каменного памятника. Зато с культурой его знакомит сборник «Вед», религиозная энциклопедия, явившаяся продуктом нескольких веков развития. Религия Вед – пантеистическая и оптимистская, но она не догматического характера, и предписания ее отличаются терпимостью.

Догматичность и отвлеченно метафизический характер индийские верования получили во втором древнебраманском периоде, когда учредились четыре касты, препятствовавшие смешению чистых арийцев (первой касты браманов) с туземцами. Литературным памятником этого периода являются законы Ману. Та же эпоха отмечена развитием индийской архитектуры. Древнебраманская религия сводится к пантеизму и политеизму. Она знает мировую душу: Брамму и целый Олимп фантастических богов, а также переселение душ. В противоположность либеральным Ведам, нравственные правила браманского периода строги и жестоки. За малейшие преступления жрецы подвергали несчастный народ таким наказаниям, перед которыми муки Дантова Ада – сущие пустяки. Это невыносимое иго древнего браманства нуждалось в ослаблении. Искупителем для Индии и явился Будда. Он был великим реформатором, объявившим милосердие и любовь основой своего учения. Характеристика этого учения, как и самого индийского царевича Сиддхартхи¹⁶, прозванного Буддой (т.е. Просвещенным)¹⁷,

¹³ Свет Азии. Поэма Эдвина Арнольда. Пер. А. Анненской, под ред. В. Лесевича. СПб., 1890.

¹⁴ «Повторное посещение Индии» (англ.).

¹⁵ Ашока (санскр. Aśoka) – правитель империи Мауриев (273–232 г. до н.э.), государства в древней Индии.

¹⁶ Сиддхаттха Готама (пали), Сиддхартха Гаутама (санскр.).

¹⁷ Будда Шакьямуни (563–483 до н.э.) – духовный учитель, основатель буддизма.

блистательно изложена в стихотворной поэме английского поэта Эдвина Арнольда, которая теперь переведена по-русски прозой.

III

Имя Эдвина Арнольда неизвестно русской публике. Его и за границей нередко смешивают с недавно умершим братом его Мэтью Арнольдом¹⁸, который считался выдающимся английским критиком. Немного узнает о нем читатель и из предисловия г[осподина] Лесевича. Между тем Эдвин Арнольд – интересная личность, судя по биографическим данным о нем, попадающимся в иностранной печати. Он более четверти столетия первенствует в редакции лондонской газеты «Daily Telegraph». В 1852 г., 20-ти лет, он окончил университетское образование с первой наградой за лучшее стихотворение на английском языке «Пир Валтасара». Вслед затем он отправился в Индию, где пробыл до 1861 г. директором правительственного санскритского колледжа в Пуне. По возвращении в Англию он посвятил свой талант журналистике. Но журнальная деятельность не заглушила его поэтического дарования. По английским традициям практическая предприимчивость, то, что называется по-английски «business», нисколько не пугает муз. Чосер¹⁹ был сборщиком податей, Шекспир²⁰ – практичным театральным антрепренером, Спенсер²¹ и Мильтон²² секретарствовали по части политики, Чарльз Ламб²³ занимался бухгалтерией. Пребывание в Индии обогатило Арнольда большим запасом впечатлений в этом новом для него мире. Занявшись ежедневной публицистикой, для своей поэзии он избрал почти исключительным содержанием индийскую жизнь и индийские учения. Уже в 1862 г. появился его перевод или, точнее, поэтическая обработка Гитопадесы²⁴ под названием «The Book of Good Counsels»²⁵. Затем последовала пауза, в течение которой он готовил свое главное произведение – изданную теперь по-русски поэму «The Light of Asia»²⁶. Успех этой поэмы, вышедшей первым изданием в 1879 г., был огромный. В два года она выдержала в Англии 26 легальных изданий, да бесчисленное количество их без разрешения автора было выпущено в Америке и в английских колониях. Поэма так понравилась публике, что американские богословы признали ее опасной для их церкви. Один из них Вилькинсон²⁷ с благочестивым усердием разразился целым томом ядовитой критики против поэта, осмелившегося излагать индийские учения. Но страх Вилькинсона, критика которого озаглавлена «Edwin Arnold as Poetizer and Paganizer»²⁸, оказался совершенно неосновательным. Биограф Арнольда Леон Келльнер²⁹ утверждает, что английский поэт – верный сын англиканской церкви, да и до сих пор ни один англичанин или американец не обнаружил охоты обращаться в лоно буддизма. В беседах своих с цейлонскими буддистами Арнольд больше всего настаивал на том, что признание преимущества глубокой мудрости за некоторыми из буддийских книг ни в каком случае не должно служить поводом к чувству враждебности относительно других религий, явившихся плодом такого же вдохновения. Все они как те сестры, о которых говорит английский поэт, «не сходны лицами одна с другой и в то же время не совсем различны, но одинаково прекрасны». В одном только, пожалуй, прав американский богослов. Никто еще не излагал учения Будды так сердечно как Эдвин Арнольд в своей поэме, где индийский буддист рассказывает читателю о жизни Будды. По отзыву Макса

¹⁸ Мэтью Арнольд (1822–1888) – английский поэт и культуролог; не являлся братом Э. Арнольда.

¹⁹ Джефри Чосер (ок. 1340/1345–1400) – английский поэт, «отец английской поэзии».

²⁰ Уильям Шекспир (1564–1616) – английский поэт и драматург.

²¹ Эдмунд Спенсер (ок. 1552–1599) – английский поэт.

²² Джон Мильтон (1608–1674) – английский поэт, философ, политический деятель.

²³ Чарльз Лэм (Lamb, 1775–1834) – английский поэт, публицист и литературный критик.

²⁴ «Хитопадеша» – сборник басен на санскрите в прозе и стихах, составленный в XII веке.

²⁵ Arnold E. The Book of Good Counsels, from the Sanskrit of the «Hitopadesa». London, 1861 <Арнольд Э. Книга добрых советов, из «Хитопадеша» на санскрите. Лондон, 1861>.

²⁶ «Свет Азии» (англ.).

²⁷ Уильям Кливер Уилкинсон (Wilkinson, 1833–1920) – баптистский священник, профессор теологии, профессор поэзии и критики, писатель.

²⁸ Wilkinson W. Edwin Arnold as Poetizer and as Paganizer, including An Examination Of The «Light Of Asia» For Its Literature And For Its Buddhism. New York, London, 1884 <Уилкинсон У. Эдвин Арнольд как поэт и язычник, включая исследование «Света Азии» для литературы и буддизма>.

²⁹ Леон Келльнер (Kellner, 1859–1928) – английский филолог и шекспировед.

Мюллера³⁰, во всей поэме не найдется ни единой строки, которой не признал бы согласной с духом буддизма природный индеец³¹.

Вот вкратце содержание этой поэмы, заслуживающей общего внимания по своим литературным достоинствам, даже независимо от ее значения, для интересующихся буддизмом.

В первой книге рассказывается о рождении и детстве Будды. Сами боги приветствовали издревле предсказанное рождение этого индийского царевича Сиддартхи Гаутамы. Святой старец Асита, услышавший гимны богов при рождении чудесного ребенка пришел поклониться ему к колыбели и предсказал царю великую будущность для его сына. Достигши 8-милетнего возраста, Будда по совету министров был отдан на воспитание Висвамित्रе³², мудрейшему из всех мудрецов.

Ученик приводил в восторг своего учителя и последний вскоре понял, что царевичу у него нечего учиться. Уже тогда обнаружилось будущее призвание Сиддартхи. Его брат ранил стрелой лебедя. Будда поднял сраженную птицу, залечил ей рану и оживил ее. На требование брата отдать птицу как его охотничью добычу Будда отвечал отказом, так как «живое существо должно принадлежать тому, кто спас его жизнь». «Я знаю, – сказал Будда, – что буду учить людей состраданию, буду предстателем бессловесного мира, останавливая всякий встречный поток страдания не одних людей». Юношей он с удивлением любовался красотами тропической природы. Но взгляд его не останавливался на блестящей поверхности. Он глубже вникал в окружающее и узрел все горе земной жизни. Он увидел, как в борьбе за существование каждое существо теснит другое, как «всюду всякий убивает убийцу и сам становится жертвой убийцы», как «жизнь питается смертью». Душевный мир царевича был нарушен. Потребность в созерцательной жизни охватила его.

Во второй книге поэмы царь с отеческой заботливостью старается рассеять неестественную серьезность сына. Совет мудрецов в виде лекарства предлагает привлечь внимание царевича на красавиц, чтобы любовь к женщине пробудила в нем охоту к жизни, ибо «мысль, которую не сковать железными цепями, легко связать женским волосом». Лекарство действует. Сердце Будды загорается любовью к Ясодхаре³³. Царь устраивает настоящий рай для сына и его юной жены, но окружает дворец тремя стенами, как крепость, и слуги, под страхом смерти, обязываются не выпускать царевича из его золотой темницы. Но Будда пока еще и не помышляет о внешнем мире, в своей любви он забыл и о прошедшем, и о будущем.

В третьей книге душевное настроение Будды изменяется. Однажды хор невидимых духов перед дворцом напомнил ему о ничтожестве и скоротечности земной любви. В гимне их он услышал снова о горе и страданиях мира. «Оставь любовь ради любви к любящим, брось роскошь, прими страдание, дай избавление» – вот что пели голоса странствующего ветра. Это увещание возымело свое действие. Будда выражает желание посмотреть на жизнь, как она течет за стенами дворца. Царь соглашается, но повелевает скрыть от глаз царевича старость, бедность и болезни. Царевич должен видеть повсюду только счастье и благополучие. Но после блестящих, светлых и радостных картин вдруг на пути ему попадает разбитый болезнями и страшно обезображенный нищий-старик. Прогулка прерывается и царевич возвращается домой. «Я видел, – говорит он, – то, чего не думал видеть». Чувствуя громадность страданий земли, суету ее радостей, пустоту ее благ, терзание ее зол, Будда сомневается теперь в Бrame. Для него началась пора испытаний.

---

³⁰ Фридрих Максимилиан Мюллер (1823–1900) – немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

³¹ «...Мы рассматриваем эту поэму как поистине замечательный образец литературного таланта, насыщенный философской мыслью и религиозным чувством – короче говоря, это как раз та книга, которая нам нужна в эпоху *Science of Religion* <религиоведения, англ.> и всеобщего свержения богов древности. <...> Тема, выбранная г-ном Арнольдом – как бы резко она ни звучала для христианского слуха – одна из самых величественных. И она достойна его пера так же, как сам поэт – сюжета. Описания, пронизанные целостностью восточного колорита; правдивое изложение основного сюжета, мастерски раскрывающего характер Будды, настолько же изысканны, насколько уникальны; ибо впервые в истории западной литературы эта личность предстает во всем богатстве ее неподдельной красоты. Нравственное величие героя – этого принца королевской крови, который мог бы быть “Богом Богов”, но который “променял богатства мира на чашу нищего”, так же как и становление его философии – плод нескольких лет уединенной медитации и борьбы со своим смертным “я”, – показаны чрезвычайно утонченно» (*Блаватская Е.П. «Свет Азии». Поэма в стихах Индийского Буддиста // Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. М., 1996. С. 211–212.*)

³² Вишвамित्रе (*санскр. viśvāmītra*).

³³ Яшодхаре (от *yasa* «слава, величие» + *dhara* «поведение, манера держать себя» – носитель славы).

В четвертой книге Будда решает покинуть свою любимую жену. Он повинуется своему призванию. «Жалобный стон жизни и всей живой плоти достиг моего слуха, и вся душа моя переполнена скорбью о хилости этого мира. Я хочу исцелить его, если исцеление может быть найдено, крайним самоотречением и сильной борьбой.

Если человек подобный мне, не испытывающий никаких лишних печалей, кроме печали быть человеком, если такой человек пожертвует всем, от всего отречется ради любви к людям и посвятит себя поискам истины, открытию тайны спасения, где бы не скрывалась она, в аду или на небе, или вблизи нас, никем не замеченная, о, такой человек где-нибудь, когда-нибудь постигнет истину, раскроет так долго скрывающуюся тайну, найдет новый путь, возьмет то, ради чего отдал целый мир, и смерть увидит в нем своего победителя!»

Слезы Ясодхары не могут поколебать его решимости. Напрасны также и увещания его конюшего Чанны.

– Подумай о горе тех, чье счастье – все в тебе! Как можешь ты спасти их, когда прежде всего ты погубишь их, – сказал Чанна.

Сиддартха отвечал:

– Друг, та любовь ложна, которая держится за любимое существо ради утех любви; я люблю их больше, чем свое счастье, даже больше, чем их счастье, и потому я ухожу, чтобы спасти их и спасти всякую плоть, если высшая любовь не бессильна.

Среди ночи царевич отправляется по свету на своем коне Кантаке. Ворота перед ним открываются сами, стража впадает в глубокий сон, и Будда на воле.

В пятой и шестой книгах Будда изображен риши (отшельником, монахом), как он пытается разрешить загадку жизни. Он наблюдает самоистязателей и разного рода аскетов, увечивших свое тело «ради славы страдания», способных «перенести столько зла, сколько его не найдется и в аду». Но этот путь спасения не понравился Будде. Почему же растения и звери не выказывают ненависти к жизни и не пытаются достигнуть лучшего такими неестественными средствами? И шел Будда из одного места в другое, облегчая страдания людей как врач и мудрец и не забывая также о животных. Сила любви, заключавшаяся в его проповеди, уничтожила кровавые жертвы. Проводя дни и недели в глубоком созерцании, сам он ослабел и впал в обморок. Тут судра³⁴ (человек низшей касты) дал ему пить и оживил его. Приняв питье и пищу от судры, Будда тем отверг различие между кастами.

«Милосердие и нужда соединяют узами родства всякую плоть! Кровь у всех одного цвета без различия каст, слезы одинаково солонны у всех людей... Кто поступает справедливо, тот и рожден благородным, кто поступает низко – рожден низким».

Затем Будде пришлось вынести искушения Мары, царя тьмы, со всей его ратью мрака и ужаса. Злые силы смущали душу Будды, «то пленя шепотом любви, то искушали приманкою царской власти, то насмешливым сомнением, доказывая всю тщету истины». Десять главных пороков поочередно искушали его: себялюбие, дух сомнения и отрицания, суеверие, любовь к земным благам, ненависть, чувственность, самовосхваление, самообольщение, гордость и, наконец, невежество. Все эти исчадия ада приступали к нему с соблазнами или с угрозами, но он победил их всех.

Наконец, приближается время спасения. Будда узрел длинную вереницу человеческих существований, с низших до самых высших существований, и мало-помалу уразумел мировую систему, познал древо жизни и, наконец, достиг Нирваны.

В седьмой главе рассказано его победное возвращение домой и обращение всего двора своего отца и жены Ясодхары. В восьмой и последней главе сжато изложено буддистское учение.

IV

Злая воля, по буддистскому учению, считается грехом. Бедность и целомудрие составляют обет для буддистов. «Зло умножает долг, который надлежит уплатить; добро избавляет и искупает; избегай зла, следуй добру, имей власть над собой! В этом и состоит путь к спасению!» Конечная цель спасения – «Нирвана», «обитель безмолвия», блаженство вне пределов времени и бытия. Понимая и разделяя горе людей, показав им цену милосердия и упований, буддизм

---

³⁴ шудра (санскр. śūdra).

действовал на чувства. Его мораль, которую Макс Мюллер называет самой чистой моралью до учения Христа, проникнута духом любви, смирения и универсальной терпимости. Для Азии буддизм явился действительным светом. Он переродил Восток, смягчил нравы его, культивировал диких монголов, преобразил кровожадных азиатских варваров в мирных людей.

Любопытно, однако, узнать, что такое «Нирвана». Определение этого понятия не раз занимало ученых и служило предметом многочисленных критических исследований. Главнейшая трудность определения точного и ясного значения Нирваны, по заявлению известного филолога Юсти³⁵, заключается в том, что по индейским³⁶ верованиям, одинаково буддистским и браманским, души существуют вечно и не составляют продукта какой-нибудь причины. Но при отсутствии исторических свидетельств, современных подвижничеству Будды, остается невыясненным его собственный взгляд на Нирвану и некоторые полагают, что он считал душу явлением преходящим, как свет светильника, с которым она сравнивается в легенде о Будде.

«Не верьте, – говорит верующий буддист в поэме Арнольда, – если кто-нибудь станет учить нас, что Нирвана есть уничтожение; такое утверждение – ложь. Если же кто-нибудь станет учить, что Нирвана есть жизнь, ответьте ему, что он заблуждается. Он не знает ее, не знает, что такое свет без светильника, не знает, что такое блаженство вне пределов времени и бытия».

Исторически доказано, что метафизика буддистов характеризует Нирвану как «ничто», как состояние, которое вообще лишено каких-либо атрибутов, как уничтожение бытия и личности. А с другой стороны, в силу практически религиозной потребности человека Нирвана считается духовным пребыванием в блаженном состоянии. В сиамских сочинениях она так определяется: «Светлое царство блаженства есть бессмертная Нирвана». Через 400 лет после Будды насчитывалось уже 18 сект, различно толковавших Нирвану. Одними она объяснялась в пределах браманского взгляда на самостоятельное существование души или как существенная часть мировой души (духовного элемента вселенной), в которую душа человека переходит после смерти телесной, другие предполагали объяснения крайнего нигилистического пошиба.

Мадридский профессор Айюса³⁷, сделавший попытку критического разбора мнений о Нирване, утверждает, что преобладающим воззрением в данном случае следует считать то, в силу которого Нирвана означает полное уничтожение. По Юсти, самое слово Нирвана (*nir-wa* – задувание света ветром) вполне подтверждает такое объяснение. Бюрнуф³⁸, более других посвященный в образ мыслей учеников Сакья-Муни³⁹, также объясняет Нирвану как уничтожение условий существования души ее переселением в пустоту, т.е. ее полное уничтожение.

Арнольд в описании своего посещения цейлонских буддистов, напротив, утверждает, что Нирвана может считаться скорее бытием за пределами чувственной жизни, что «она и есть истинное успокоение, которое превосходит всякое понимание». Совершенно также понимается Нирвана буддийским мистическим учением, которое находит себе столько последователей в Европе.

V

Дело в том, что рядом с народной буддистской религией позже развилась религиозно-философская система буддизма, «эзотерический» или «тайный» буддизм, о котором народ не имел понятия. Этот мистический буддизм возник из древне-браманской религиозной философии. Основой его служит мысль об универсальном ничтожестве всего земного. Все в этом мире есть иллюзия. Судьба всякого создания определяется течением его жизни. Этот-то эзотерический буддизм, разъясняющий скрытый смысл вещей, эта-то индейская⁴⁰ мистика и распространяется теперь в Европе.

Нирвана, по ее толкованию, есть отрицание лишь земной жизни, порабощение и умерщвление чувственных вожделений и страстей, освобождение себя от земных влечений,

³⁵ Фердинанд Юсти (1837–1907) – немецкий лингвист, филолог, востоковед, художник, педагог.

³⁶ Так в тексте; необходимо: *индийским*.

³⁷ Франсиско Гарсиа Аюсо (Айюзо, Ayuso, 1835–1897) – испанский востоковед и филолог.

³⁸ Эжен Бюрнуф (1801–1852) – французский востоковед, сделавший значительный вклад в расшифровку древнеперсидской клинописи, крупнейший исследователь буддизма середины XIX века.

³⁹ Шакьямуни (*санскр.* Śākyamuni).

⁴⁰ Так в тексте; необходимо: *индийская*.

которым и достигается идеальное блаженство. Но в чем же заключается буддистское мистическое учение? Только в последнее время сущность и содержание его раскрыты более или менее ясно.

Хранителями буддистских тайн в Индии являются махатмы. В выборе себе тайных учеников – чела – они очень аристократичны. Они не только руководствуются происхождением своих учеников, но и подвергают избранных строгим испытаниям. Можно быть 20–30 лет тайным учеником и все-таки оставаться на низшей ступени чела. Ниже всех стоят те йоги⁴¹ и факиры, о которых европейские путешественники рассказывают столько невероятных анекдотов. Почином самих махатм основано теозофическое общество в Индии, имеющее свои филиальные отделения во Франции, в Англии и Германии. Известно не менее 250 различных теозофических групп, из них 120 приходится на Индию, а 130 рассеяны в Париже, Лондоне, Мюнхене, в Испании, Америке, Австралии и даже в Японии. Один из членов этого общества Синне[тт]⁴² не особенно давно по-английски изложил религиозно-философское мировоззрение посвященных в тайное учение. Вот вкратце сущность его в немецкой передаче Дю-Преля⁴³.

Цель этого учения – довести до развития способности и внутренние качества человека, которые дремлют в нем так крепко, что никогда ни в чем не обнаруживаются сами собой. Но из развития этих способностей возникает не только отвлеченное значение, но и искусство овладевать разными темными силами природы и с их помощью осваиваться с чудодейственными явлениями. Это искусство и возможность злоупотребления ими и служит основой таинственности учения.

Тайное учение не довольствуется разделением человека на тело и душу. Оно насчитывает семь основных частей в человеке. Но зато оно не признает дуализма силы и материи. Последняя считается способной находиться в различных состояниях, помимо тех, которые познаются нашими грубыми чувствами. Этим устранением дуализма силы и материи тайное учение является посредствующим звеном между материализмом и спиритуализмом. На сем свете сила, или дух, и материя пребывают почти в равновесии. Поэтому земле и отводится второстепенное место между планетами. Но мы можем восходить постепенно к более возвышенным мирам, где жизнь освобождается от телесных потребностей.

Как бы признавая теорию Дарвина и теорию эволюции, тайное учение утверждает, что человек и в будущей жизни подчиняется законам прогресса и развития. На том свете, в Девачане, каждому отводится не свое место, а внутреннее состояние, соответственное его потребностям и заслугам. В виду способности человека к развитию его может ожидать целый ряд последовательно прогрессирующих состояний. Расчеты за наши земные грехи производятся не в Девачане собственно, а в грядущем воплощении. Нравственная равнодействующая данной телесной жизни определяет жизненные условия последующего воплощения. Таким образом, тайное учение разрешает загадку духовного, нравственного и социального неравенства в земной жизни. Эти неравенства суть следствия прожитого состояния (Кармы) и за них человек бывает виновен сам. Не только мои хорошие и дурные склонности, но и мои внешние жизненные обстоятельства являются продуктом последней личности, какую я воплощал в себе.

VI

Тайное учение тем и заманчиво, что оно ставит человека на собственные ноги, пробуждая в нем героическое чувство виновности и сознание того, что свою будущую судьбу он может определить сам достижением «Кармы», за которой должно последовать более благоприятное для него воплощение. Это чувство, конечно, гораздо выше того социально-демократического недовольства, которое опирается на материалистические основы и вытекает из критики земных зол. Махатма пробуждает в своих учениках героическое чувство, в силу которого за судьбу человека ответственен исключительно он сам, а не Создатель, не природа, не слепой случай. Один индийский⁴⁴ ученый так характеризует нравственную ответственность каждого: «Ни на небе, ни на земле, ни в аду, во всей неизмеримой вселенной нет такой власти, которая могла бы предохранить

⁴¹ йоги (англ. yogi).

⁴² Альфред Перси Синнетт (Sinnott, 1840–1921) – английский журналист, писатель, редактор газеты «The Pioneer» (Аллахабад, Индия) в 1872–1882 гг., президент Лондонской ложи Теософского общества.

⁴³ Карл Дю-Прель (Дюпрель, 1839–1899) – немецкий философ и писатель.

⁴⁴ Так в тексте; необходимо: *индийский*.

человека от последствий его деяний. Ни слезами, ни молитвою, ни искупительными гимнами, ни похоронными мелодиями нельзя предохранить человека от заслуженных им последствий какого бы то ни было дурного дела, совершенного им». Значит, закон нравственной ответственности также необходим, как любой из физических законов, например, закон тяготения или закон сохранения силы. Махатма доводит своего ученика до нравственного героизма, тогда как социал-демократические доктрины не дают своим последователям никакого нравственного учения, кроме разве того, что всем, кому не суждено сделаться героем, надо стать Геростратами. Это облагораживание душ человеческих, без сомнения, привлекательнее конечной цели материалистов и пессимистов, отрицающих волю в человеке и мечтающих о каком-то золотом веке, которым может наслаждаться разве только одно последнее поколение людей.

Как Плотин⁴⁵ и Кант⁴⁶, так и тайное учение делает различие между личностью и субъектом человека. При каждом воплощении я становлюсь другой личностью. «Я» одного существования отличается от «я» другого существования, но целый ряд этих личных существований связан единством субъекта.

В научном отношении тайное учение является настоящим дарвинизмом, доведенным до конца. В религиозном отношении оно избегает той односторонности, которая все ограничивает исключительно нравственностью, не давая простора умственным стремлениям. Дю-Прель называет это тайное учение сочетанием науки с верою как в практическом смысле, – ибо оно побуждает разрабатывать ту и другую, – так и в теоретическом отношении, так как вера здесь находится в согласии с естественнонаучными истинами.

В этом мистическом истолковании философских идей многие усматривают простой курьез. Но Дю-Прель таким критикам доказывает, что европейская наука, сама того не сознавая, работает в направлении, сильно напоминающем тайное учение. Новейшая наука наметила основные черты мировоззрения, которое в своем позднейшем построении может обнаружить много сходства с тайным учением. Сохранение силы – лозунг новейшего естествознания – в мистическом учении переносится в область нравственности в виде пережитой «Кармы». Если сила где-нибудь исчезает, то она появляется в каком-либо другом месте, говорит современный физик. Если сознание умирает здесь, то оно должно появиться в другом образе, говорит индус. Жизнь, сила или душа едины и все явления (все существа, по выражению индейца⁴⁷) суть только изменения одной и той же души или, как сказал бы физик, проявление одной и той же силы, которая все проникает. Исходя из идеи единства душ, индус и строит свой космос из моральных элементов, как новейшая наука строит свой из атомов и атомистических сил. Эволюции, этому лозунгу биологии и истории, в мистическом учении придается такое первенствующее значение, что это учение, как уже замечено выше, можно назвать дарвинизмом, доведенным до конца. Вообще идеи новейшего естествознания и философии так близко подходят к мистике, что последнюю можно было бы принять за самую новейшую европейскую систему знаний, конечно, если бы она не имела за собой давности учения индейского⁴⁸ царевича.

---

⁴⁵ Плотин (204/205–270) – античный философ, основатель неоплатонизма.

⁴⁶ Иммануил Кант (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

⁴⁷ Так в тексте; необходимо: *индийца*.

⁴⁸ Так в тексте; необходимо: *индийского*.